

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ

ВУДХАУС

ЧТО-НИБУДЬ ЭДАКОЕ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Замок Бландинг

Пелам Гренвилл Вудхаус

Что-нибудь эдакое

«Издательство АСТ»

1915

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Вудхаус П.

Что-нибудь эдакое / П. Вудхаус — «Издательство АСТ»,
1915 — (Замок Бландинг)

ISBN 978-5-17-152618-4

Хозяин замка, весельчак лорд Эмсворт, случайно забрал скарабея, ценнейший предмет из коллекции Дж. Престона Питерса — американского миллионера, живущего по соседству, и к тому же отца невесты младшего сына Эмсворта, Фредерика Трипвуда, абсолютного бездельника и транжиры. Лорд Эмсворт даже не представлял, в какую запутанную историю попадет он сам и все окружающие. Но крепкие стены родового гнезда Эмсвортов способны выдержать многое: и странности престарелого главы клана, и проделки представителей младшего поколения, и безумные выходки гостей. «Что-нибудь эдакое» — первый роман из цикла «Замок Бландинг».

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-152618-4

© Вудхаус П., 1915
© Издательство АСТ, 1915

Содержание

Глава I	6
1	6
2	9
Глава II	12
1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Пелам Гренвилл Вудхаус

Что-нибудь эдакое

Sir Pelham Grenville Wodehouse
Something Fresh

* * *

Печатается с разрешения литературных агентств Rogers, Coleridge & White Ltd и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1915

© Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Глава I

1

Нежный свет весеннего утра красиво освещал Лондон, животворя и радуя всех, кто шел или ехал по Пикадилли. Кондукторы отпускали шутки, шоферы мягко улыбались, полисмены насвистывали, равно как и клерки, нищие просили подавание с оптимистической прытью. Словом, утро выдалось хорошее.

Ровно в девять из квартиры 7А по Арундел-стрит вышел молодой человек.

Если есть на свете задворки, Арундел-стрит можно к ним приписать. Проходя по северной стороне Лестер-сквер, вы и не заметите входа в узенький тупичок. День и ночь люди минуют его как ни в чем не бывало. В нем нет и сорока ярдов. Да, там есть две гостиницы – но какие? Словом, задворки, ничего не скажешь.

Формой своей тупичок похож на каменные сосуды, в которых итальянцы держат дешевое вино. Узкое горлышко сменяется чем-то вроде двора. По бокам от него стоят гостиницы, в глубине – мебелишки для достаточно бедных людей. Их тоже собираются сменить гостиницей, но все не соберутся, так они и стоят.

Комнаты – небольшие, кровать скромно прячется за ширмой. Есть и стол, и стул, и кресло, и шкаф, и жестяная ванна, которую можно оттереть. Все это вместе с завтраком – пять долларов в неделю. Эш Марсон платил их за квартиру 7А.

На двадцать шесть лет раньше у преподобного Джозефа Марсона и жены его Сары (Матч-Мидлфорд, графство Шропшир) родился мальчик. Назвали его так странно в честь богатого дяди – и зря, ибо дядя этот оставил деньги благотворительному заведению, мальчик же в свое время поступил в Оксфорд, чтобы заняться там богословием. Занимался он мало, зато пробегал милю за полторы минуты, а прыжки в длину принесли ему заслуженную славу.

Осчастливив многих своими победами над Кембриджем, он совсем забросил науки, а потому не обрел никакой пристойной профессии. Правда, он стал бакалавром, что позволило ему до поры до времени морочить ближних, давая уроки.

Накопив таким страшным образом немного денег, Эш приехал в Лондон и два года работал в газетах с переменным успехом, пока не вышел на издательский концерн «Мамонт», контролирующий несколько важных газет, несколько журналов и что-то еще, не гнушаясь жалкими деньгами мелких клерков и юных курьеров. Среди прочего он издает дешевые приключенческие книжки. Там и нашел свою нишу Эш Марсон. Именно его перу принадлежат «Похождения Гридли Квэйла». Раньше героев было много, равно как и авторов; теперь все выпуски, по одному в месяц, поставлял только он. Ему платили, он на это жил на Арундел-стрит в доме номер 3, квартира 7А, из которой и вышел в то майское утро.

Он был высок, строен, красив (светлый взор, сильный подбородок), одет в свитер и фланелевые брюки, обут в гимнастические туфли. В одной руке он держал гантели, в другой – скакалку.

Вдохнув и выдохнув утренний воздух так мерно и важно, что вы бы сразу узнали столь популярное в наши дни «глубокое дыхание», он положил гантели и принялся скакать.

Если мы подумаем о том, как сопротивляется Лондон подобным зрелищам, мы удивимся редкому спокойствию молодого человека. В Лондоне можно бежать за шляпой или за омнибусом, можно прыгать, спасаясь от такси. Но бегать ради легких, прыгать ради печени? Этого Лондон не простит, он высмеет вас.

Однако Арундел-стрит пока что не смеялась. Хозяин одной гостиницы смотрел куда-то вдаль; хозяин другой явно ни о чем не думал. В окнах появлялись головы, но ни одна из них

не ухмыльнулась. Дети, и те не смеялись, а кошка терлась о перила не оборачиваясь. Словом, мы могли увидеть, чего добьешься, если действуешь тонко и терпеливо.

Три месяца назад, поселившись в квартире 7А, Эш Марсон понял, что придется выбирать: или откажись от упражнений, которые поистине стали второй натурой, или бросай вызов неписаным законам травли. Колебался он недолго. Здоровье и сила были его заветом. Упражнения бросать нельзя, ergo – бросаем вызов.

Когда он впервые появился перед домом в тапочках, на него смотрели:

Два кебмена (один пьяный).

Четыре лакея из одной гостиницы.

Шесть лакеев из другой.

Шесть горничных из одной гостиницы.

Пять горничных из другой.

Хозяин одной гостиницы.

Хозяин другой.

Дворник.

Одиннадцать зевак.

Двадцать семь мальчишек.

Кошка.

Все смеялись, включая кошку. Пьяный кебмен пропел: «Вернись домой, Билл Бэйли!» Эш делал упражнения.

Через месяц аудитория свелась к последнему пункту. Мальчишки еще смеялись, но без той победной убежденности, которую давало им одобрение взрослых.

Теперь, через три месяца, Эш стал явлением природы. Упражнялся он рьяно, стремясь изгнать усталостью мельчайшего беса, который не давал покоя с самого утра. Весной нам хочется другой, более яркой жизни, а уж тем паче – в такое утро, когда самый воздух что-то обещает и предвещает. Толстые немолодые джентльмены чуть не танцуют с зонтиками, а рассыльный свистит на ходу, восхищаясь жизнью.

Но юго-западный ветер несет и недовольство. Вдыхая запах странствий, мы горюем, что зря просадили жизнь. Именно это случилось с Марсоном. Никогда еще не был он так уверен, что попал в ловушку. Сейчас мысль о Гридли Квэйле была по голове, словно «тупое орудие», о котором мы так часто читаем в газетах. Скакалка не помогала. Он ее отбросил и взялся за гантели.

Не помогли и они. Он подумал, что давно не делал гимнастических упражнений Ларсена.

Лейтенант датской армии, носивший это имя, долго изучал анатомию, и теперь по всему миру многие завязываются узлом, верно следуя схемам его превосходной книги. Мышцы обретают консистенцию резины. Кровь резво бежит по жилам. Если вы не сдадитесь, придет время, когда вы сможете одним ударом убить быка.

Все так, но достоинства в этих движениях нет. Скажем больше: с первого раза они покажутся смешными. Король Генрих I¹, чей сын утонул вместе с кораблем, никогда не улыбался только потому, что еще не было Ларсена.

Скрутив тело в пробочник, Эш Марсон и не думал о том, что кто-то может засмеяться. Он был прав. Хозяин одной гостиницы скользнул по нему взглядом; хозяин другой отрешенно глядел вдаль. Мальчишки молчали. Кошка терлась о перила.

Однако, раскручиваясь, он услышал сзади нежный, мелодичный смех. Три месяца назад он бы принял его как должное, но теперь – покраснел и обернулся.

¹ *Генрих I* (1070–1135) – младший сын Вильгельма Завоевателя. Его сыновья, Уильям и Ричард (по материнской линии – внуки св. Маргариты Шотландской), утонули в 1120 г. Осталась только дочь Матильда, в будущем – мать Генриха II (1133–1189). – *Здесь и далее примеч. пер.*

В окне первого этажа сидела девушка. Весеннее солнце играло на ее золотистых волосах, светило в синих глазах, которые, в свою очередь, зачарованно созерцали странное создание в фланелевых брюках. Секунды две девушка и Эш смотрели друг на друга; потом она нырнула в комнату, а он, вконец разбитый, собрал пожитки и пошел к себе.

Холодная ванна его не ободрила, а завтрак, предоставляемый хозяйкой, не ободрил бы никого. Когда Эш управился с клочковатой яичницей, горелым беконом и той цикорной жидкостью, которую кощунственно именуют кофе, он был совершенно несчастен. За письменным столом, пытаясь выжать из себя последнее похождение Квэйла, он просто выл от горя. Неотступный, хотя и мелодичный смех побуждал его мечтать о том, чтобы читающая чернь знать не знала никаких Квэйлов, а лично он, его создатель, лежал в могиле. Их злоеший союз длился больше двух лет, причем сыщик с каждым месяцем становился противней. В настоящее время он был исключительно самодоволен и ни в какую не видел, что одна лишь удача, поистине поразительная, помогает ему хоть что-то открыть. Словом, зависеть от него материально – все равно что сидеть на цепи у какого-нибудь дракона.

Отвращение к Квэйлу достигло апогея. Обычно Эш сперва выдумывал название, потом – подгонял к нему сюжет; и вот вчера, вдохновленный свыше, он написал на старом письме: «Волшебная палочка смерти».

Теперь он смотрел на эти слова, как смотрит вегетарианец на гусеницу в своем салате. Вчера ему казалось, что заглавие – лучше некуда. Допустим, но что оно значит? Что это за палочка? Пока ты этого не понял, ты ничего не напишешь – однако нельзя швыряться такими заглавиями. Эш грыз вечное перо и ерошил волосы.

И тут постучались в дверь.

Он резко повернулся. Сколько можно говорить хозяйке, чтобы она не мешала, когда он работает! Быстро перебрав в уме язвительные ремарки, он крикнул:

– Да-а!

Вошла девушка, та самая девушка с синими глазами, которая смеялась над гимнастикой Ларсена.

2

Эш выглядел жалко по разным причинам. Во-первых, он думал увидеть хозяйку, женщину невысокую, и смотрел ниже, чем надо. Во-вторых, он скорчил заранее рожу, которую сразу не растянешь в милую улыбку. Наконец, если ты просидишь полчаса над листом с загадочной надписью, в мозгах еще нет той прыти.

По этой причине почти целую минуту он вел себя так глупо, что психиатр с ходу поставил бы диагноз. Поднялся он немного погодя, и странный, скрюченный скачок напоминал о лейтенанте Ларсене.

Девушка тоже смирилась. Будь он спокойнее, он бы заметил, что она краснеет. Но женщины сильнее мужчин, и первой заговорила она.

– Я вам помешала...

– Нет, что вы! – ответил Эш. – Что вы, что вы, что вы, чтовычтовы!..

Она перебила его:

– Я пришла попросить у вас прощения. Прямо не знаю, почему я засмеялась...

Наука, при всех ее успехах, еще не выяснила, что должен делать человек в такой ситуации. Если он промолчит, он покажется грубым. Если он что-то скажет, он покажется глупым. Колеблясь между этими возможностями, Эш взглянул на листок бумаги:

– Что такое палочка смерти?

– А, что?

– Палочка смерти.

– Не понимаю.

Бредовость этой беседы привела к тому, что Эш засмеялся. Засмеялась и гостья. Обоим стало значительно легче.

– Вы думаете, я сошел с ума? – осведомился Эш.

– Конечно, – отвечала девушка.

– Вообще-то сошел бы, если бы вы не явились.

– Почему?

– Пытался написать детектив.

– Я так и думала, что вы писатель!

– А вы?

– Я тоже. Вам не попадалась газета «Светские сплетни»?

– Нет.

– Рада за вас. Жуткая газета. Выкройки, советы влюбленным. Я каждую неделю даю рассказ про графа или про герцога. Подписываюсь по-разному. Ужас, не работа!

– Сочувствую, – сказал Эш, – но мы ушли от дела. Что такое палочка смерти?

– Волшебная?

– Естественно.

Девушка подумала.

– Ну как же! Палочка слоновой кости. Ее украли из индийского храма и верят, что всякий, кого она коснется, умрет. Она попала к герою, жрецы ему угрожают, шлют письма...

– Да вы гений!

– Что вы!..

– Гений, не спорьте. Я все вижу. Герой приглашает Гридди Квэйла, этот надутый идиот при помощи самых диких случайностей раскрывает тайну, а я получаю деньги на следующий месяц.

Девушка с интересом посмотрела на него:

– Вы автор «Гридди Квэйла»?

– Только не говорите, что вы это читаете!

– Нет, не читаю. Но издает его то же издательство, и я часто вижу эти выпуски.

Эш обрадовался, словно встретил в пустыне старого друга.

– Вы пишете для «Мамонта»? Ну, мы рабы с одной галеры! Придется стать друзьями.

Правда?

– Я была бы очень рада.

– Тогда присядьте, поболтаем.

– Да вы работаете!..

– А вы меня спасаете.

Она присела. Казалось бы, просто, но Эш понял многое; скажем, она не села на край стула и не развалилась в кресле. Этикет не так уж строг на Арундел-стрит; те, кто живет в большом городе на небольшие деньги, ощущают себя особым братством.

– Представимся друг другу, – спросил Эш, – или миссис Белл сказала вам, как меня зовут? Кстати, вы здесь недавно, да?

– С позавчерашнего вечера. А как вас зовут, я сама знаю. Феликс Кловли.

– Господи! Неужели вы думаете, что человека могут так звать? Это я прикрываю свой стыд. Зовут меня Эш Марсон. А вас?

– Джоан Валентайн.

– Расскажите историю своей жизни, или мне сперва рассказать?

– Мне и рассказывать нечего.

– Ну-ну!

– Нечего, правда.

– Подумайте. Родились вы?

– Да.

– Где?

– В Лондоне.

– Вот видите. А я – в Матч-Мидлфорде.

– Не слышала.

– Странно! А я о Лондоне слышал. Надо бы прославить Мидлфорд, но, видимо, – не мне.

Я неудачник.

– Сколько вам лет?

– Двадцать шесть.

– Как же вы можете знать, удачник вы или неудачник? Мне стыдно за вас.

– Да я же умею только писать про этого Квэйла!

– Почему «только»? Попробуйте делать что-нибудь еще.

– Что именно?

– Ну, что-нибудь эдакое. Господи, вы – в самом большом городе мира, приключения – куда ни глянь, шансы просто кишат...

– Я их не вижу.

– Читайте газеты. Особенно объявления. Непременно что-нибудь найдете. Смелее!

Кидайтесь на любой шанс...

Эш кивнул:

– Так, так, так. Говорите, говорите.

– А без меня вы не догадались? Лондон такой большой, тут столько всяких возможностей.

Я осталась без гроша пять лет назад. Не важно почему. И что же? Я печатала на машинке, играла в театре, была гувернанткой, компаньонкой, горничной...

– Горничной?

– А что такого? Очень занятно. Куда лучше гувернантки.

– Да, понимаю. Я был учителем. Интересно, что бы сказал об этой профессии генерал Шерман?² Это вам не какая-то война! Значит, занятно быть горничной?

– Еще как! И потом, я изучила графов и герцогов, все со мной консультируются.

Эш вдохнул воздух – не научно, а восторженно.

– Какая вы молодец!

– Я?

– Ну, храбрая такая.

– Что ж, по мере сил. Мне двадцать три, я мало сделала, но неудачницей себя не считаю.

– Молодец, каких мало. Просто заочные курсы «Как обрести успех». Вы бы и медузу раскатали.

– Если я вам правда помогла...

– Не обижайте меня опять! Хотя я заслужил... Да, вы мне помогли. Я воскрес. Давно себя так не чувствовал...

– Это весна.

– Да, наверное. Мне кажется, я сделаю что-то особенное.

– Что ж, делайте. Вот у вас «Морнинг пост». Вы ее читали?

– Проглядел.

– Прочитайте объявления.

– Хорошо, хотя, по-моему, там одни жулики.

Джоан встала.

– До свиданья, – сказала она, – вам надо писать, мне – думать про герцога. Простите еще раз, что я тогда смеялась.

Эш схватил ее за руку.

– Смейтесь на здоровье! Приходите почаще и смейтесь. Когда я начал делать гимнастику, полгорода каталось на мостовой. Теперь они утихли, мне скучно. Вы еще не все видели, этих упражнений – двадцать девять. Шестое – смешнее всего. Завтра с него и начну. Недурно и одиннадцатое. Смотрите, не проспите.

– Спасибо. Ну, пока.

– Пока.

Рядом с листом бумаги, на котором сверкало замечательное, завлекающее название, лежала газета. Он обещал прочитать объявления. Значит, надо читать.

Он читал и падал духом. Мистер Брайан Макнил спал и видел, как бы поделить деньги с неимущим, но совершеннолетним субъектом, не требуя никаких гарантий. От него не отставали Энгус Брюс, Данкан Макфэрлан, Уоллес Макинтош и Дональд Макнэб. Как и он, они чуждались людей, не достигших совершеннолетия, но человек постарше мог просто прийти к ним и взять денег.

В отличие от них молодой человек (и христианин) хотел получить тысячу фунтов, чтобы завершить свое образование, объездив европейские страны.

Эш отбросил газету; так он и знал. Романтика умерла, приключений ждать неоткуда. И он начал писать «Волшебную палочку смерти».

² Уильям Шерман (1820–1891) – генерал северян в гражданской войне США (1861–1865).

Глава II

1

На Пикадилли, в гостинице «Гвельф», высокородный Фредерик Трипвуд сидел, подтянув колени к подбородку, и печально глядел в пространство. У него было очень мало разума, но какой был, тот страдал.

Так оно в жизни и бывает. Проснешься буквально как огурчик; повернувшись к окну, возблаговаришь небеса за хорошую погоду; задумаешься о том, где бы получше закусить с друзьями по спортивному клубу, – и вспомнишь.

– А, черт! – сказал высокородный Фредди и чуть погодя прибавил: – Как было хорошо!

Несколько минут, не вставая с постели, он страдал и думал. Потом подтянул к себе телефон и набрал номер.

– Алло!

– Алло! – отозвался звучный голос на том конце провода.

– Дикки?

– А кто это?

– Я, Фредди. Дикки, старик, надо повидаться. Вы в двенадцать не уйдете?

– Нет. А в чем дело?

– Не телефонный разговор.

– Ладно. Кстати, поздравляю.

– Спасибо, старик. Большое спасибо, только вы не уходите. Пип-пип!

Он быстро положил трубку и вскочил, поскольку услышал, что скрипит ручка двери. Когда дверь открылась, он совершенно ничем не отличался от молодого человека, который бодро и споро начинает свой день.

В комнату вошел человек немолодой, довольно лысый, зато с тонкими чертами лица и рассеянным кротким взором.

– Ты только встаешь, Фредерик? – спросил он.

– Привет, папаша. Пип-пип. Я мигом.

– Надо было встать часа два назад. Очень хорошая погода.

– Сейчас, сейчас. Помоюсь, оденусь.

И он юркнул в ванную, тогда как отец его сел в кресло, сцепил кончики пальцев и горестно замер.

Как многие отцы его положения и ранга, граф Эмсворт не мог решить ту единственную проблему, которая (кроме разве что Ллойд-Джорджа³) отягчает жизнь нашей знати: Что Делать с Младшим Сыном? Ничего не попишешь, младший сын – ненужная роскошь, пустая обуза. Можно сказать британскому пэру, что ему все же лучше, чем треске, у которой в любую минуту обнаружится миллион потомков; сказать это можно – но зачем? Он не успокоится. Младший сын ему только мешает.

Высокородный Фредерик мешал с особым успехом. Граф Эмсворт по сути своей не мог ни на кого сердиться, но Фредди подошел к черте намного ближе, чем кто бы то ни было, упорно и разнообразно терзая добродушного пэра. Отдельные действия не могли вывести графа из терпения, и все же с поступления в Итон младший сын держал его в вечной тревоге.

³ Дэвид Ллойд-Джордж (1863–1945) – премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг.

Из Итона Фредди выгнали за то, что он, наклеив усы, шумел ночью на улице, а вот из Оксфорда – по другой причине: он поливал декана чернилами со второго этажа. Два года ушло на дорогого репетитора, причем за то же самое время младший сын набрал рекордное количество долгов и подозрительных друзей (и то, и другое – скачки).

Все это доведет кротчайшего из графов; и лорд Эмсворт топнул ногой. Поднакачав сил, он в первый и последний раз проявил решительность – перестал давать сыну деньги, увез в свой замок и держал там так крепко, что Фредди не видел столицы до вчерашнего дня, едва ли не целый год.

Возможно, мысль о том, что он ее все-таки увидел, подбодрила его, и он запел. Плеск воды смешался с нестройными звуками.

Лорд Эмсворт нахмурился и засучил плечами, но продолжалось это недолго. Вспомнил и он.

Что же именно? Вот что: прошлой осенью соседнее поместье снимал один американец, мультимиллионер по фамилии Питерс, у которого, кроме денег, были хронический гастрит и прелестная дочь. Соседи познакомились, Фредди и Эйлин даже подружились, а несколько дней тому назад – обручились, избавив тем самым лорда Эмсворта от единственной обузы.

Фредди совсем распелся, но граф это вынес. Удивительно, как все меняется, если ты сбыл сына с рук! Почти целый год несчастный пэр не ведал покоя. Бландингский замок просторен, но все же не настолько, чтобы никогда не наткнуться на Фредерика; а наткнувшись, отец с печалью видел, что сын страшно страдает. И сады, и парк были для пэра ближайшим подобием рая, но пленник ходил по ним с таким видом, словно это по меньшей мере Сибирь.

Теперь все иначе. Фредди женится. Лорду Эмсворту нравилась Эйлин, нравился и мистер Питерс. Словом, он так радовался, что испытал что-то вроде нежности, когда из ванной вышел сын в розовом халате. Сын же этот, в свою очередь, обрадовался тому, что отцовский гнев улетучился и мир, как говаривала Пиппа, в полном порядке.

Оделся он быстро: его всегда стесняло присутствие отца; и, вскакивая в брюки (сперва – не совсем удачно), вспомнил еще одно обстоятельство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.